

Основная идея жертвы открывается частью из названія, частью изъ свойства первой жертвы. Жертвы Каина и Авеля одинаково называются *minchah* т. е. *даръ*,—хотя первая состояла изъ плодовъ земныхъ, а вторая изъ животныхъ стада ⁴⁾,—какъ и въ Моисеевомъ законѣ самое общее и всеобъемлющее названіе жертвъ есть *корбанъ* ⁵⁾ (*gorban* отъ *gabar* или *higrab*) т. е. *приношенія*, названіе, соотвѣтствующее нѣмецкому слову *Opfer* отъ *Offere*; вмѣсто *корбанъ* еще встрѣчается *mattana* *подарокъ*, *даръ* напр. Исх. 28 гл. 33 ⁶⁾. И такъ жертвы по первоначальному значенію были дары, приношенія, которыми облаженный обѣтованіемъ искупленія человекъ свидѣтельствовалъ свою благодарность Богу, и поколику онъ приносить и передаетъ Богу лучшее изъ своего приобрѣтенія и изъ своей собственности, то жертвы были знаками и символами полной преданности его сердца, по которой онъ готовъ отдать Богу самого себя, свою жизнь и свои стремленія, чтобы возблагодарить Его за Его благодѣянія и обѣтованія и жить въ общеніи съ Нимъ. Такимъ образомъ значеніе жертвеннаго дара состоитъ въ томъ, что онъ, служа идеѣ искупленія, вмѣстѣ съ тѣмъ замѣняетъ принесеніе въ жертву человекомъ самого себя, своей жизни и энергіи, такъ какъ человекъ какъ духовно-тѣлесное существо, не можетъ непосредственно жертвовать себя Богу, безконечному Духу, лице—лицу, но можетъ выражать это приношеніе только въ вещественномъ дарѣ ⁷⁾. Непосредственнѣйшее жертвованіе человека совершается въ молитвѣ, посредствомъ которой душа какъ-бы погружается въ свою первоначальную причину, духъ соединяется съ Богомъ; этому духовному жертвованію соотвѣтствуетъ, какъ чувственное выраженіе ея, *жертва*, которую поэтому называли *воплощенною молитвою* ⁸⁾. Это соотвѣтствіе молитвы и жертвы мы видимъ ясно уже въ жизни патріарховъ, когда они воздвигали жертвенникъ Іеговъ, призывая имя Его (Быт. 12, 8. 13, 4. 26, 25. 33, 20. 35, 7). Но, такъ какъ первыя жертвы, о которыхъ мы имѣемъ

свѣдѣнія, приносятся человѣкомъ, лишившимся жизненнаго общенія съ Богомъ и подвергшимся смерти за грѣхъ, и такъ какъ одна изъ этихъ первыхъ жертвъ (Авеля) была жертвою смерти, то въ жертвѣ вообще слѣдовательно въ каждомъ приношеніи или дарѣ предполагали понятіе *примиренія*, какъ существенное, и въ животной жертвѣ находили фактическое признаніе человѣка въ томъ, что *собственно онъ долженъ умереть вмѣсто животного, и что животное, слѣдовательно, юридически умираетъ вмѣсто него* ³⁾. Собственно говоря съ такимъ выводомъ несогласно какъ то, что жертвы Каина и Авеля означаются словомъ *minchah даръ*, которое на языкѣ закона Моисея означаетъ только жертвы, которые сами въ себѣ не имѣютъ никакого грѣхозаглаждающаго значенія, такъ и то обстоятельство, что ни во всесожженіи Ноя, ни въ жертвахъ патриарховъ (Быт. 35, 54. 46, 1) не видна идея непосредственнаго заглаженія грѣха. Кромѣ того обстоятельства всесожженія, въ которомъ Авраамъ долженъ былъ принести Богу своего сына, совершенно ясно учать тому, что Богъ требовалъ смерти человѣка не для непосредственнаго заглаженія какого либо преступленія, но только какъ дара предмета самаго дорогаго, къ чему сердце Авраама было особенно привязано, слѣдовательно только всецѣлой преданности сердца, какъ Мессія всѣмъ собою жертвовать долженъ былъ для спасенія человѣка. Такимъ образомъ во всѣхъ жертвахъ св. Писанія, предшествовавшихъ временамъ Моисея, мотивомъ и основною мыслию жертвы является не столько чувство виновности или грѣха, удаляющаго человѣка отъ Бога ⁴⁾, сколько влеченіе любви и

⁴⁾ Въ анализѣ происхожденія жертвы Кейль отступаетъ отъ уважаемыхъ имъ обыкновенно мнѣній Генстенберга и Делича и впадаетъ въ односторонность, допуская въ патриархальный періодъ только благодарственную жертву, между тѣмъ какъ стоило только подвергнуть частнѣйшему анализу слово *благодареніе*, чтобы не обойтись безъ идеи примиренія. Прим. ред.

благодарности за полученные и обещанные божескія благодѣянія и благословенія. Слѣдовательно и смерть животнаго, и пролитіе его крови для жертвоприношенія не могли быть для патріарховъ только олицетвореніемъ и изображеніемъ той кары, которую навлекъ на себя приносящій жертву своими грѣхами, и если человекъ для засвидѣтельствованія своей вѣры, любви и своей благодарности къ Богу пользуется данною ему властію надъ жизнью животныхъ, то отсюда еще не слѣдуетъ то представленіе, что для избавленія отъ заслуженной смерти одно пожертвованіе жизнью животнаго могло быть юридически соответствующимъ воздаяніемъ ¹⁰⁾. Эту власть на самомъ дѣлѣ получилъ человекъ въ первый разъ не послѣ грѣхопаденія, но тотчасъ послѣ своего сотворенія вмѣстѣ съ владычествомъ падъ всею землею и всѣми тварями ея (Быт. 1, 28). Далѣе, если тотъ фактъ, что Богъ облекъ прародителей, послѣ паденія ихъ, кожами животныхъ, слѣдовательно, передалъ въ ихъ распоряженіе жизнь животныхъ, чтобы кожами ихъ они покрывали наготу свою, не только научалъ тому, какъ люди могли пользоваться для своего блага господствомъ, дарованнымъ имъ надъ царствомъ животныхъ, но и давалъ разумѣть, чтобы жизнь животныхъ приносилась въ жертву Богу; то съ другой стороны это никакимъ образомъ не ведетъ къ тому представленію, что смерть животнаго была сама по себѣ платою за грѣхи человека, и что Богъ, щадя человеческую жизнь, требовалъ отъ человека пожертвованія жизни животныхъ, какъ благодарственного воздаянія или какъ достойной уплаты за его вину, достойную смерти. Слѣдовательно ничто не даетъ намъ права понимать библейскія жертвы, предшествовавшія Моисею, какъ конечный расчетъ человека съ Богомъ, какъ выраженіе одного чувства виновности человека, не посредствуемой чувствомъ вѣры, любви и надежды искупленія.

¹⁰⁾ Споръ древнихъ теологовъ объ этомъ вопросѣ см. у Сал. Дейлинга, *observatt. sacr.* II, p. 40 sgg. и Каризова *apparatt.* p. 705 sgg.

2) Такъ думаетъ Нейманнъ въ d. deutschen Zeitschr. f. christl. Wissensch. Шнейдера 1852. № 30. стр. 238.

3) Такъ думали многіе отцы церкви, см. Утрам. de sacrificiis I, p. 7 sg.

4) Мнѣніе Гроція, что mehelbehen Быт. 4, 4, значить: *отъ ихъ молока*, Герлахъ въ своемъ Bibelwerke долженъ былъ признать невозможнымъ.

5) Ср. Марк. 7, 11: Коррѣи ѡ εστιν δῶρον.

6) Слово когбан поэтому употребляется также о такихъ приношеніяхъ для святилища, которыя не возлагались на жертвенникъ, напр. Числ. 7, 3 gg. 31, 50 и др.

7) Ср. В. Неймана а. а. О. 1853. стр. 318.

8) Уже Утрамъ 1, с. p. 212 sg. замѣчаетъ: quod preces vituli laborum appellantur Os. 14, 2. Cujus dicti ea ratio est, quod preces sacrificia quaedam essent et sacrificia preces quaedam. Preces utique sacrificia spiritualia, et sacrificia symbolicae preces, ссылаясь для этого еще на 1 Сам. 13, 12 и Прем. 15, 8. Ср. также Генстенберга, Evang. Kirchenzeit. 1852 г. № 13. стр. 113.

9) Такъ Деличъ—die Genesis ausgel. I, стр. 196 der 2. Ausg.

10) Это представленіе Гоффмана (Schriftbeweis II, 1. стр. 141 sg.) опирается на ложномъ предположеніи, что *въ слѣдствіе грѣха явилась необходимость у человека благодарить Бога за власть надъ жизнью животныхъ*, соединяющемся съ столь же ложнымъ мнѣніемъ, что *даръ, который приносятъ Каинъ и Авель, долженъ быть выраженіемъ различныхъ образовъ чувства; между тѣмъ какъ одинъ благодаритъ только за поддержаніе своей жизни, которымъ онъ обязанъ проклятой Богомъ землѣ, другой—за прикрятіе его наготы, которое Богъ даровалъ грѣшному, но покающемуся человеку, какъ милосердый знакъ прощенія его грѣха*. Но если бы Авель хотѣлъ своею жертвою только за это благодарить Бога, то онъ во всякомъ случаѣ лучше выразилъ бы эту благодарность священнымъ храненіемъ животныхъ, чѣмъ ихъ смертію.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Жертвы Моисея вообще.

§ 40. Матеріалъ жертвы.

Между тѣмъ какъ въ патріархальный періодъ жертвы были свободнымъ выраженіемъ вѣры, славословія и благодарности Богу, Моисеевымъ законодательствомъ жертвенное служеніе было поставлено подъ руководство закона, такъ что не только матеріалъ для жертвъ и обращеніе съ нимъ точно были опредѣлены, но и установлены различные роды и виды жертвъ для различныхъ отношеній Израильтянъ. Основаніе законнаго принесенія жертвъ составляла заповѣдь: *предъ лице Мое не должны являться съ пустыми руками* Исх. 23, 15 или Втор. 16, 16: *не являйся пустымъ предъ лицемъ Іеговы*; для объясненія этой заповѣди ст. 17-й присовокупляетъ: *каждый съ даромъ въ руку своей являйся по благословенію, которое далъ ему Іегова богъ твой*. Между дарами, съ которыми народъ долженъ былъ являться предъ своимъ Богомъ, предписываются какъ матеріалъ жертвы, назначенной для жертвенника, частію *животныя*, частію *растительныя вещества*.—Жертвенными животными были а) скотъ стадъ (*behema*) и изъ него рогатый скотъ (*bagar*) и мелкій скотъ (*tzon* т. е. овцы и козы); б) птицы (*ha'oph*) именно горлицы (*thorigim*) и молодые голуби (*bnej—hajonah*— (Лев. 1, 14); голуби впрочемъ были назначены частію какъ даръ бѣдныхъ, которые не могли приобрѣсть большихъ жертвенныхъ животныхъ (Лев. 5, 7. 12, 8), частію какъ жертва за маловажные грѣхи. Изъ рогатаго скота оба пола (самцы и самки Лев. 3, 1) могли быть приносимы въ жертву, частію взрослыми, какъ то: быкъ, (*schor*), волъ (*rag—ben bagar*—Лев. 4, 3, молодой волъ и *ragah* молодая корова), частію маловозрастными, какъ то: теленокъ (*'egel=ben bagar*—Лев. 9, 2 и *'eglah* Быт. 15 9. 1 Сам. 16, 2); изъ мелкаго

скота, подъ которымъ разумѣются овцы (*kesabim*) и козы (*'ezzim*, ср. Лев. 1, 10. 22, 19 съ ст. 21) также приносились оба пола (Лев. 3, 6), при чемъ между овцами особенно опредѣленно указать агнецъ или овецъ (*ail*) (Числ. 15, 5. 6. 11. 28, 11 gg.), а между козами *'attud* и *sa'ir* или *se'ir 'izzim*¹⁾. Числ. 7, 16 и д. 22 и др.

Относительно качествъ жертвенныхъ животныхъ требуется а) *известный возрастъ*: маловозрастные должны были быть по крайней мѣрѣ осьми дней (Лев. 22. 27. Исх. 22, 29); обыкновенно же изъ мелкаго скота приносили въ жертву однолѣтнихъ (Исх. 29, 28, Лев. 9, 3 и др.), а изъ крупнаго—трехлѣтнихъ²⁾ хотя по Суд. 6, 25 приносится въ жертву и семилѣтній волъ; б) *тѣлесная безпорочность*. Жертвенныя животные должны были *thamim*, ἄμωροι, безпорочны, безъ недостатка (*thim*), не должны были: слѣпыя, имѣющія переломленный членъ, изувѣченныя (*charutz'*, одержимыя оспою, коростою или паршами, съ членами не соразмѣрно короткими и кастрированныя (Лев. 22, 20—24³⁾).

Растительный матеріалъ для жертвы состоялъ въ хлѣбѣ, маслѣ, ладонѣ, соли и винѣ. Хлѣбъ приносимъ былъ въ жертву а) *колосьями* (*abib*) и притомъ *galuj baesch geres karmee* т. е., поджаренными на огнѣ, растолченными въ зернахъ (Лев. 2, 14⁴⁾; б) *пшеничною мукою* (*soleth* Лев. 2, 1). Въ обоимъ видамъ—пшеничной мукѣ и колосьямъ должно было присоединять масло и ладонъ (Лев. 2, 1. 15 g); в) *прѣсными хлѣбами* или пирожными троякаго рода: α) испеченное въ печи (*maapheh thanur*) или хлѣбы прѣсные замѣшанные на елеѣ (*shaloth* толстыя повзрѣватыя печенья) или тонкія лепешки (*regigim*) только обмазанныя елеемъ; β) приготовленное на сковородѣ изъ мелкой муки, съ елеемъ, туго замѣшанное, которое должно было разломать на куски и потомъ снова облить елеемъ. (Лев. 2, 5); γ) пшеничная мука, приготовленная съ елеемъ въ горшкѣ (*marchescheth*) т. е. варено,

вскипѣвшее въ елеѣ (Лев. 2, 7 ⁵).—Кромѣ того каждая хлѣбная жертва должна быть посолена солию, по Лев. 2, 13, гдѣ послѣднія слова: *и во всѣхъ твоихъ жертвенныхъ дарахъ* (*gorbanka*) *ты долженъ приносить соль*, іудейскимъ преданіемъ понимаются такъ, что и животныя жертвы должно было посыпать солию (Лев. 43, 24 Марк. 9, 46 ⁶). Напротивъ того никакая хлѣбная жертва не могла быть кислую; кислое тѣсто и медъ ⁷) не должны быть воспламеняемы на огнѣ Іеговы по Лев. 2, 11. Наконецъ, для жертвы возліянія употреблялось вино вѣроятно темно-краснаго цвѣта.

¹) Оба слова очевидно означаютъ различныя породы козловъ, *sa'ir pilosus* --косятую, жестко-шерстную, а *'athud* вѣроятно другую красиваго вида ср. Бохарта *Hieroz. I, lib. II, с. 53* и Бэра, *Symb. II, стр. 296*.

²) По раввинамъ животное *rag* должно было быть трехъ лѣтъ, *'egel* одного года, *kebes* одного года, *ail* отъ одного до двухъ лѣтъ, *sa'ir* свѣше одного года и около двухъ лѣтъ. Въ книгѣ *Siphri* (см. Утрама *de sacrificiis* p. 97) говорится: *quadrimis et quinquennialibus animalibus ad sacrificia quidem uti licet, sed honoris erga vetula non adducunt*. Ср. Реланда *Antiqq. III, 1, 11* и Бэра стр. 297.

³) Объ отдѣльныхъ порокахъ подробно разсуждаютъ Бохартъ 1. с. p. 594 sgg. ed. Розем. и Алекс. Бальдингеръ *de victimarum integritate ac mysterio*, Heidelberg. 1731; въ этихъ сочиненіяхъ можно находить и сужденія раввиновъ, увеличившихъ число тѣлесныхъ недостатковъ до 73. Ср. еще Бэра стр. 298 g.

⁴) Значеніе слова *karmel* спорно. По раввинамъ оно есть *arista tenera et recens* или *succosa*; по Гезеніусу (*Lex. s. v.*) свѣжая пшеничная или ячная крупа. Ср. еще Бэра стр. 300.

⁵) Слово *marchesceth* LXX неправильно переводятъ *ѣсугара рѣшетка*. Происходя отъ *rachasch ebullivit* оно означаетъ *ahenum, lebes, in quo res coctae ebulliunt*—глубокую кастрюлю. Такъ понимаютъ его раввины; ср. Бэра стр. 302.

6) Ср. Iosephi Antiqq. III, 9, 1. Philo Opp. II 255 и писателей, приведенных Вилеромъ, R. W. II стр. 367.

7) Конечно *пчелиный медъ*, а не медъ гроздовъ какъ полагаетъ Бэръ, слѣдуя раввинамъ. Ср. Вилера, R. W. I, стр. 510 g.

§ 41. *Значеніе жертвеннаго матеріала.*

Чтобы правильно понять значеніе жертвеннаго матеріала въ выраженіи отношенія, какое Израильтянинъ хотѣлъ выразить къ Богу жертвою, нужно прежде всего найти принципъ, который руководилъ законодателя при назначеніи такого, а не другаго матеріала. Такъ какъ дары, которые Израиль долженъ приносить въ жертву своему Господу и Богу, должны быть приносимы отъ того благословенія, которое Онъ положилъ на работу его рукъ; то они могли состоять только въ продуктахъ житейской промышленности, которою было скотоводство и земледѣліе, т. е. жертвы могли приноситься только отъ скота, который разводили евреи и отъ земныхъ плодовъ, какіе они воздѣлывали. Въ приношеніи такихъ даровъ народъ завѣта заявлялъ свое личное поведеніе по отношенію къ Богу, не только тѣмъ, что пожертвованіемъ части своего имущества и своей собственности благодарилъ Бога за дарованное ему благословеніе и просилъ его о дальнѣйшемъ дарованіи его, но и тѣмъ, что онъ въ своихъ дарахъ жертвовалъ Богу самого себя, то есть свою жизнь со всѣми ея силами и способностями Ему, виновнику жизни и подателю всѣхъ благъ, чтобы этимъ пожертвованіемъ исполнять свою цѣль и достигать того, къ чему призвала и что опредѣлила ему вѣчная Любовь. Если же жертвы должны были соответствовать этой конечной цѣли, то животныя и растительныя произведенія, приносимыя въ качествѣ ея матеріала не могли быть разсматриваемы ни какъ показатели *главнѣйшихъ продуктовъ почвы Палестины*, или какъ *представители всей народной собственности* ¹⁾, ни также какъ представители домашнихъ животныхъ, стоявшихъ въ жиз-

ненною отношеніи къ своимъ владѣтелямъ ²⁾, ни наконецъ также какъ простые *съѣстные припасы* ³⁾. Понятіе народной собственности уже потому не можетъ быть принято основаніемъ въ выборѣ жертвеннаго матеріала, что съ одной стороны домашнія животныя и продукты страны, назначенныя для жертвъ, составляютъ только очень малую часть народной собственности, а съ другой собственность, какъ такая, такъ какъ она не всегда добывается и зарабатывается, но часто только наследуется, не находится вовсе въ какомъ либо внутреннемъ соотношеніи съ призваніемъ народа и съ цѣлію его жизни, что необходимо должно было находить свое выраженіе въ жертвахъ. Равнымъ образомъ и жизненное общеніе, въ которомъ человѣкъ находится съ разводимыми имъ животными, не можетъ служить принципомъ выбора исчисленнаго жертвеннаго матеріала, не только потому, что изъ домашнихъ животныхъ, которыхъ Израиль разводилъ и сберегалъ, исключенъ для жертвы оселъ, — безъ всякой особенной причины, кромѣ того, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ животнымъ, мясо которыхъ воспрещено было ѣсть Израилѣтянамъ, — но и потому, что этотъ принципъ не имѣетъ никакого примѣненія къ растительной составной части жертвеннаго матеріала, въ которомъ при хлѣбѣ, маслѣ и винѣ скорѣе бросается въ глаза точка зрѣнія или принципъ *пропитанія* ⁴⁾. Такъ какъ жертвы не разъ въ законѣ означаются какъ *хлѣбъ Божій* ⁵⁾, то гораздо скорѣе можно бы принимать идею народнаго продовольствія за принципъ, обуславливающій выборъ жертвеннаго матеріала, т. е. что Израилѣтянинъ, предлагалъ хлѣбъ своему Богу изъ того, что Богъ ему самому назначилъ въ пищу. Но при такомъ пониманіи, жертва должна подпасть подъ точку зрѣнія кушанья, приносимаго Богу въ пищу, подъ точку зрѣнія, несогласную съ идеею истиннаго Бога ⁶⁾; но и независимо отъ того, если бы *victus* понять какъ *Symbolam vitae*, пища могла служить къ изображенію жизни какъ субстанціи человѣка, а не личности приносящаго; она не могла

представить его личное поведение предъ Богомъ или такое или другое исполненіе задачи его жизни. По крайней мѣрѣ не каждый изъ матеріаловъ питанія, служащихъ поддержаніемъ жизни, могъ выражать эту мысль, а развѣ только та пища человѣка, которая составляетъ продуктъ его жизнедѣятельности, на снискиваніе и приготовленіе которой можно смотрѣть какъ на плодъ работы его рукъ, въ кругѣ дѣятельности, указанномъ ему Богомъ, какъ на выполненіе его земнаго призванія въ жизни.

Задача, которую Богъ опредѣлилъ человѣку на этой землѣ, цѣль его земнаго призванія состоитъ въ томъ, чтобы хранить и беречь жизнь, дарованную ему Богомъ и для достиженія этой цѣли пользоваться всѣми своими силами и дарованіями, также какъ и всѣми предметами и всѣми тварями земли. Но человѣческая жизнь имѣетъ земную и духовную сторону; земная есть только почва духовной, также какъ и тѣло есть только земной органъ для души, живущей божественнымъ Духомъ. Почему и дѣятельность человѣка въ этой временной жизни, желаемая Богомъ и опредѣленная Имъ, состоитъ не столько въ томъ, чтобы заботиться и трудиться для пріобрѣтенія пищи тѣлесной и для удовлетворенія потребностей тѣла какъ тѣла, сохраняя только тѣлесную жизнь и о ней только имѣя попеченіе, но собственно въ томъ, чтобы сохранять, питать и укрѣплять духовную жизнь души необходимымъ попеченіемъ о тѣлѣ, чтобы не только тѣлесно зарабатывать тѣльную пищу, но и духовно пріобрѣтать нетлѣнную пищу, которая питаетъ и укрѣпляетъ душу и тѣло для вѣчной жизни. Въ этомъ смыслѣ Іисусъ Христосъ опредѣляетъ исполненіе земнаго призванія какъ заботливость о пищѣ, когда Онъ говоритъ о своей дѣятельности на землѣ: *Моя пища есть то, чтобы творить волю того, который послалъ Меня, и чтобы совершить Его дѣло* (Іоан. 4, 34), или, когда говоритъ Іудеямъ: *приготовляйте пищу, которая нетлѣнна, но пребываетъ въ вѣчную жизнь* (Іоан. 6, 37). Только въ этомъ смыслѣ

можно сказать, что принцип избранія поименованнаго матеріала для жертвъ, установленных Богомъ, лежитъ въ идеѣ пропитанія или пищѣ. Этимъ принципомъ исключались изъ жертвеннаго матеріала не только дикіе звѣри вмѣстѣ съ съѣдомою дичью (олень, газель и друг.), но и изъ домашнихъ животныхъ, разводимыхъ израильтянами какъ скотоводами и земледѣльцами тѣ, которыя не употреблялись въ пищу. Съ этимъ принципомъ согласны и голубиные жертвы, такъ какъ голуби разводились Израильтянами издревле (Ис. 60, 8) ⁷⁾, а перелетныя горлицы, такъ многочисленны въ Палестинѣ ⁸⁾, что мясная пища бѣдныхъ жителей состояла главнымъ образомъ въ мясѣ ручныхъ голубей и горлицъ. Если же обязанность человѣческаго присмотра и ухода, распространяющаяся на прочихъ жертвенныхъ животныхъ, не имѣетъ приложенія къ горлицамъ, то это исключеніе изъ правила достаточно объясняется тѣмъ, что голубиные жертвы были дозволены только для бѣдныхъ вмѣсто обыкновенныхъ жертвенныхъ животныхъ, да еще для нѣкоторыхъ очищеній. Такимъ же образомъ упомянутымъ принципомъ исключены были изъ растительныхъ произведеній Ханаана древесные плоды, растущіе безъ всякаго человѣческаго ухода за ними, или же только при самомъ ничтожномъ уходѣ, между тѣмъ какъ причисленные къ жертвенному матеріалу плоды масличнаго дерева и винограда являются въ видѣ елей и вина только усиліемъ человѣческаго труда, при чемъ еще нужно взять во вниманіе то, что елей входилъ въ хлѣбную жертву, не какъ самостоятельный жертвенный матеріалъ, но только какъ приправа, подобно соли и ладону. Далѣе, если вся жизнь человѣка такъ сказать распускается въ исполненіи земнаго призванія; то жертвенный матеріалъ, предписанный закономъ, какъ плодъ жизнедѣятельности Израильтянъ, былъ самымъ приличнымъ субстратомъ для образнаго выраженія проявляющейся въ своей жизни и своихъ стремленіяхъ личности того, кто хотѣлъ жертвовать себя самого въ своемъ дарѣ Іеговѣ. И такъ, если

земной народъ завѣта въ жертвѣ хотѣлъ посвящать Іеговѣ свою жизнь со всѣми своими стремленіями, чтобы не только почерпнуть изъ этого посвященія силу и крѣпость для новой жизни, но вмѣстѣ найти въ немъ счастье и блаженство благодатнаго общенія съ Богомъ; то онъ не могъ совершать свое личное самопожертвованіе Богу ни подъ какимъ другимъ символомъ такъ соответствующимъ дѣлу, какъ приношеніе разведенныхъ имъ животныхъ и воздѣланныхъ имъ произведеній почвы т. е. того, что служило для него ежедневною пищею, потому что эта пища, поколику человѣкъ добываетъ ее, изображаетъ собою его энергію и дѣятельность, а поколику человѣкъ пользуется ею — его удовлетвореніе и подкрѣпленіе жизни.

Съ этимъ значеніемъ жертвенныхъ даровъ согласны и предписанія о *качествахъ* ихъ. Каждое жертвенное животное должно быть свободнымъ отъ тѣлесныхъ недостатковъ и пороковъ, должно быть при томъ по крайней мѣрѣ осьми-дневнаго возраста и обыкновенно не выше трехъ-лѣтняго. Это предписаніе имѣетъ свое естественное основаніе въ томъ, что, съ одной стороны, въ даръ должна была выражаться любовь, жертвующая конечно то, что имѣетъ самага добраго и самага лучшаго, и что съ одной стороны, только свободный отъ недостатковъ и совершенный даръ могъ быть приличнымъ приношеніемъ для Бога святаго и совершеннаго; кромѣ того по нравственному закону, (если въ тѣлесныхъ недостаткахъ отражаются нравственные пороки), приносить себя въ жертву святому Богу и вступать въ жизненное общеніе съ Нимъ можетъ только человѣкъ безпорочный (*thamim* ἄμωρος) и свободный отъ нравственныхъ недостатковъ. Такъ какъ это самопожертвованіе только тогда бываетъ надлежащее, когда оно совершается съ энергіею самостоятельной и полной жизни; то и жертвенное животное не должно быть ни слишкомъ молодымъ, когда оно еще несовершенно созрѣло для жизни, ни слишкомъ старымъ, и потому надломаннымъ въ своей жизненной силѣ.—

Изъ растительныхъ жертвенныхъ даровъ должно было исключать *кислое тѣсто* ⁹⁾ и *медъ* ¹⁰⁾ какъ такія вещества, которыя хотя сообщаютъ вкусъ обыкновенному хлѣбу и пищѣ, но приводятъ ихъ въ броженіе, окисляютъ и портятъ. Они исключены были изъ жертвеннаго матеріала, такъ какъ духовная пища, которую чловѣкъ предлагаетъ Богу, т. е. святость его жизни не должна была носить въ себѣ разъѣдающей закваски разрушенія. Напротивъ того эта пища должна быть приправлена елеемъ, ладономъ и солью, чтобы, какъ основательно прибавляется въ Лев. 2, 13 относительно послѣдняго элемента: *соли завета твоего Бога не доставало въ жертвахъ твоихъ*. Только силою Духа Божія, Который символизировался чрезъ елей, и только посредствомъ молитвы, которая олицетворялась въ воскуренномъ еиміамѣ, становится возможнымъ посвященіе для жизни пріятной Богу, между тѣмъ какъ соль, по своему свойству предохранять пищу отъ гніенія и порчи, даетъ жертвѣ значеніе мощной, прогоняющей всякую порочность и всякое лицемеріе истины и укрѣпляетъ заветъ съ Богомъ для продолжительнаго жизненнаго общенія въ чистотѣ и истинѣ.

¹⁾ Такъ полагалъ однакожъ Баръ, (Symb. II, стр. 316 g). ссылаясь особенно на то, что у всѣхъ народовъ приносимое въ жертву необходимо должно было принадлежать приносящему, а чужая собственность не должна была приноситься. Но это справедливо только въ томъ отношеніи, что нельзя было приносить жертву изъ краденаго имущества, между тѣмъ какъ животное, купленное или полученное въ подарокъ, безъ всякаго сомнѣнія, могло быть приносимо въ жертву. Ср. въ противоположность Бару замѣчанія Неймана въ Schneiders deutsch. ztschrf. 1853. Nr. 42 стр. 332, гдѣ указано много предметовъ, принадлежавшихъ къ израильскому имуществу, но однакожъ не назначенныхъ для приношеній въ жертву, а также много примѣровъ изъ позднѣйшей исторіи израильской на то, что народъ приносилъ Іеговѣ то, что дарили ему чужіе цари (Езд. 6, 9. 1 Макк. 10, 3 9. 2 Макк. 3, 3. 9, 16).

2) Къ этому взгляду склонялся уже Филонъ, de victim. p. 646, когда онъ называетъ жертвенныхъ животныхъ ἡμερώτατοι χειροηθέστατοι, βιωφελέστατοι. Опреѣленіе высказанъ этотъ взглядъ графомъ Де-Местромъ, les soirées de St.-Petersbourg. Bruxell. 1837. Tom II in d. éclaircissement sur les sacrifices p. 234: «On choisissait toujours parmi les animaux les plus innocents, *les plus en rapport avec l'homme* par leur instinct et leurs habitudes—les victimes les *plus humaines*» etc. Съ нимъ согласенъ Куртцъ, das mos. Opfer стр. 60 g.

3) Такъ думаетъ В. Нейманъ (а а. О.), присовокупляя такое определѣніе: «о кушаньѣ, предлагаемомъ Богу въ пищу, Израилътяне почти не заботятся. Скорѣе Израиль приноситъ въ жертву то, въ чемъ онъ могъ самымъ яснымъ, живымъ и рѣшительнымъ образомъ выразить состояніе своей жизни, жертвуя самую жизнь въ земномъ источникѣ ея».

4) «Ничего нельзя отрицать менѣе того, что зерна или хлѣбъ и вино всегда и вездѣ являются какъ главнѣйшіе съѣстные припасы и потому какъ представители и показатели пропитанія напр. Быт. 27, 28. 37. Суд. 19, 19. Лук. 7, 33 и въ др. мѣстахъ». Куртцъ а. а. О. стр. 96.

5) Ср. кромѣ Лев. 3, 11. 16, гдѣ о жертвѣ встрѣчается выраженіе: lechem ischsheh jajhova, особенно Лев. 21, 6. 8. 17 и 22, 25, гдѣ говорится о священникахъ, что они приносятъ lechem elohehem и Числ. 28, 2, гдѣ gorbaniј lachmij относится ко всѣмъ жертвамъ, ежедневнымъ и праздничнымъ. Также Іезек. 47, 7. Малах. 1, 7.

6) Это представленіе чуждо даже язычеству въ его самыхъ низкихъ формахъ. И въ язычествѣ, какъ замѣчаетъ Вуттке (Gesch. des Heidenth. I, стр. 131), жертва «повсюду имѣетъ ту же самую цѣль—пожертвованіемъ предмета ничтожнаго самого по себѣ стать ближе къ Сущему. Противоположное мнѣніе, что жертва есть даръ для сохраненія и пропитанія божества унижаетъ всякую религію. Гдѣ только есть религія, тамъ Божество стоитъ высочайшею силою, отъ которой исходитъ и содержится конечное, и человѣкъ зависитъ

отъ божества, а не оно отъ человѣка». «Въ жертвѣ человѣкъ ничего не предлагаетъ божеству такого, чтобы ему уже не принадлежало; она есть заявленіе вѣрности истинному бытію въ противоположность ничтожному бытію чувственныхъ вещей, а не подарокъ, служащій къ сохраненію его; подобно тому, какъ восточный житель приносить дары своему царю, не для того, чтобы подарить ему что либо такое, что не принадлежитъ ему, но чтобы присягнуть ему въ вѣрности, чтобы показать, что все собственно принадлежитъ ему».

⁷⁾ Ошибается Нейманнъ (а. а. О. стр. 331) замѣчая, что Бохартъ (Hiegez. II, 17) доказалъ, будто голуби не были домашними птицами. Такого показанія нѣтъ у Бохарта.

⁸⁾ Ср. Винера, В. W. II стр. 635.

⁹⁾ Значеніе кислаго тѣста, какъ символа нравственнаго поврежденія и духовной порчи, неоспоримо и обезопасено отъ всѣхъ возраженій Гофмана (Schriftbew. II, 1, стр. 154) и Неймана (а. а. О. стр. 333) свидѣтельствами нов. з: ζῆμη τῶν φαρισαίων, ἥτις ἐστὶν ὁ πόρνος. Лук. 12. 1 Марк. 8, 15, Матв. 16, 6 и взятымъ въ контекстѣ изреченіемъ апостола: *немного кислаго тѣста заквашиваетъ всю сльсь* Гал. 8, 9, наконецъ 1 Кор. 5, 6—8.

¹⁰⁾ Медъ также имѣетъ свойство квасить, см. Плиній, hist. nat. 18, 11, что извѣстно было и евреямъ, какъ это видно изъ равав. hidbisch, которое значитъ и dulcedinem admittere, и *corrumpi, fermentescere* (ср. Бэра II стр. 322 g). Съ этимъ вполне можно согласить и значеніе меда какъ *deliciae carnis*, на которое указываютъ менешки медовыя у Ос. 3, 1. (Ср. Генгстенбергъ, Beitr. III стр. 650), потому что и *deliciae carnis* повреждаютъ человѣка, производя нравственное растлѣніе.

§ 42. Жертвенный обрядъ.

При принесеніи жертвы закланія, съ нею поступали вообще такъ: жертвенное животное приводилось предъ двери святилища, т. е. къ жертвеннику предъ скиніею или храмомъ (Лев. 1, 3. 4, 4 и пр.), потому что только здѣсь и нигдѣ въ другомъ

мѣстѣ дозволено было жертвоприношеніе (Лев. 17, 1—6). Приносящій жертву клалъ свою руку ¹⁾ на голову животного, и закалывалъ его ²⁾ на сѣверной сторонѣ жертвенника ³⁾ Лев. 1, 4. 5. 11. 3, 2. 8. 6, 25. 7, 2); затѣмъ священникъ собиралъ кровь въ сосудъ и кропилъ ею иногда бока жертвенника, иногда его роги, иногда роги кадилаго алтаря и противъ завѣсы, иногда капиоретъ во святомъ святыхъ, смотри по различнымъ родамъ жертвъ, остальная же кровь выливалась у основанія жертвенника всесожженій (Исх. 29, 12. Лев. 4, 7. 18 и пр.). За тѣмъ приносящій жертву сдиралъ съ животного кожу и раздроблялъ его (Лев. 1, 6. 8, 20); раздробленные части клались священникомъ на жертвенникъ и воспламенялись или всѣ, или только жирныя части, въ послѣднемъ случаѣ остальное мясо иногда сожигалось внѣ стана, иногда съѣдалось священниками, иногда наконецъ въ праздничныя времена съѣдалось частію священниками, частію приносителями. При принесеніи въ жертву голубей, священникъ самъ сворачивалъ имъ голову, и кровь выцѣживалъ на стѣну жертвенника,—потомъ отдѣлялъ зобъ съ нечистотою и бросалъ въ пепельную кучу подлѣ жертвенника, переламаывалъ птицу въ крыльяхъ, не отдѣлая ихъ и наконецъ сожигалъ ее на жертвенникѣ (Лев. 1, 15 gg).

Съ растительными жертвенными дарами, если они принадлежали къ жертвамъ всесожженія, поступали такъ: священникъ бралъ часть принесенной муки съ елеемъ, часть колосьевъ и лепешекъ и сожигалъ это на жертвенникѣ со всѣмъ оміамомъ. Остальное доставалось священникамъ, но должно было съѣдаться не кислымъ во дворѣ скиніи (Лев. 2, 2 g. 3 g, 16. 6, 9—11. 7, 9 g. 10, 12 g); только если приносящій жертву самъ былъ священникъ, сожигалась вся мука съ елеемъ (Лев. 6, 16). Если же растительный даръ принадлежалъ къ жертвѣ благодаренія и состоялъ изъ пирожного, то только одна лепешка изъ всего приношенія предлагалась какъ возношеніе (theruma) Іеговѣ и пере-

ходила въ священнику, кропящему кровью (Лев. 7, 11), остальная же часть употреблялась приносителями въ праздничное время ⁴⁾.

¹⁾ Законъ всегда выражается: *samaḥ jado onḥ klalḥ svoḥ ruḳu*, (въ единств.) напротивъ того раввины говорятъ о возложеніи обѣихъ рукъ. Ср. Вэра, II стр. 306. Раввины единогласно свидѣтельствуютъ также, что съ возложеніемъ рукъ было соединено произнесеніе молитвы, что во всякомъ случаѣ вѣроятно, хотя приводимая по этому случаю у раввиновъ формула молитвы позднѣйшаго происхожденія. Ср. Утрама I. с. 1, с. 15, § 8 sqq. и Вэра стр. 307.

²⁾ Только при жертвахъ, принадлежащихъ въ рядовому богослуженію и приносимыхъ за весь народъ въ праздники, священники сами закалывали животныхъ, снимали съ нихъ кожу и раздробляли, при чемъ имъ помогали левиты, если жертвъ было очень много. (2 Пар. 29, 24, 34). Возложеніе рукъ при этихъ публичныхъ жертвахъ ясно упомянуто только въ жертвахъ за грѣхъ. (Лев. 16, 21, 2 Пар. 29, 23). Каждый приноситель жертвы долженъ былъ напередъ очиститься и освятиться (1 Сам. 16, 5).

³⁾ Такъ какъ это мѣсто закланія указано только для жертвъ всесоженія, для жертвы грѣха и вины, но не указано для жертвы мира то раввины полагаютъ, что были еще другія мѣста для закланій,—что не имѣетъ основанія.

⁴⁾ Раввинскія положенія о жертвенномъ обрядѣ, доходяція до крайнихъ тонкостей находятся преимущественно въ тракт. *Sebachin*. *Menachoth* и *Temura*, въ 5 части *mischna* и въ сочин. Маймонида *Massech. Korbanoth*, откуда болѣе важныя положенія приведены Оттономъ *Lexicon rabb. talmud.* (1757) p. 631 sqq., Лунтфоттомъ въ *ergo ministerio templi*, Opp. I. p. 701 sqq., Утрамомъ *de sacrific.* I, с. 8 sqq., Лундиемъ *judische Heilighümer* III. тл. 33 и др.

§ 43. Значеніе жертвенной обрядности.

Если жертвенные дары, которыхъ требовалъ Іегова отъ своего народа завѣта, способны были по матеріалу и качеству засту-

пять мѣсто лица приносящаго жертву, то они получаютъ это мѣстозамѣняющее *значеніе* только вслѣдствіе того, что вѣрный завѣту Богъ, по своей снисходящей благодати установилъ эти приношенія въ пособіе своей благодати и потому форму приношенія вообще и въ частностяхъ опредѣлилъ такъ, что всѣ различные виды его были многообразными и многознаменательными олицетвореніями выраженныхъ въ жертвахъ божественныхъ идей спасенія, которыя мы обязаны развить.

Обращеніе съ кровавымъ матеріаломъ при совершеніи жертвы начиналось *представленіемъ жертвеннаго животнаго предъ жертвенникъ и возложеніемъ рукъ*. Приведеніемъ къ жертвеннику приносящій давалъ знать, что онъ приноситъ свою жертву какъ даръ Богу, открывающемуся и благодно свидѣтельствующемуся здѣсь своему народу. Возложеніемъ рукъ онъ не только официално и торжественно объявлялъ, что этотъ даръ есть дѣйствительная его собственность и что онъ вполне готовъ отдать за смерть эту собственность, т. е. посвятить смерти для Іеговы ¹⁾, но такъ какъ возложеніе рукъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оно встрѣчается въ св. Писаніи при благословеніи, при посвященіи въ должность, при исцѣленіяхъ Іисуса Христа и апостоловъ, при муропомазаніи (Дѣян. 8, 17. 19, 6) служить вышнимъ знакомъ, которымъ возлагающій руки усваиваетъ и передаетъ другому духовное благо, сверхчувственную силу или даръ, то и въ жертвахъ оно имѣетъ значеніе передачи на жертвенное животное того ощущенія, настроенія или расположенія, которое одушевляетъ приносящаго жертву въ моментъ его приношенія. А это душевное расположеніе бываетъ различно, смотря по цѣли, для которой онъ приноситъ свою жертву. Если оно касается грѣха или вины, отъ котораго онъ хотѣлъ бы освободиться, то именно этотъ грѣхъ или вину онъ переноситъ на жертвенный матеріалъ; если напротивъ того приносящій хочетъ въ жертвѣ посвятить Богу свою жизнь, чтобы получить силу для спасенія и богоугодной дѣятель-

ности, то онъ переноситъ на жертвенное животное это желаніе, въ которомъ сосредоточивается энергія его души, такъ что въ семь, какъ и въ предшествующемъ случаѣ, жертвенное животное заступаетъ мѣсто приносящаго и чему подвергается здѣсь оно—на это нужно смотрѣть какъ на испытываемое самимъ приносителемъ жертвы. Если же приноситель имѣетъ цѣлю только заявить свою благодарность за полученные или ожидаемыя благодѣяніе и помилованіе, то онъ только это благодарственное чувство переноситъ на жертву, которая такимъ образомъ заступаетъ его лицо только на столько, насколько онъ относится къ полученному или просимому благу ²⁾.

За тѣмъ *закланіе* жертвеннаго животного—(не просто умерщвление (Tödten), потому что послѣднее выраженіе нигдѣ не встрѣчается въ законахъ о жертвахъ)—какъ совершенное жертвованіе жизни животнаго, изображаетъ жертвованіе на смерть жизни того самаго, кто приноситъ жертву, но, не смерть какъ *наказаніе* за грѣхъ, потому что въ такомъ случаѣ не приноситель жертвы, а только священникъ, заступающій мѣсто Бога, карателя и судіи грѣшниковъ, долженъ былъ бы совершать закланіе ³⁾. Хотя смерть приносящаго жертву, изображаемая закланіемъ животнаго, есть плодъ и дѣйствіе грѣховъ, однако она въ настоящемъ случаѣ не подпадаетъ собственно подъ точку зрѣнія и понятіе наказанія ⁴⁾, потому что жертва есть установленіе божескаго милосердія, которое хочетъ подать грѣшнику не столько наказаніе заслуженное, сколько прощеніе грѣховъ, и вообще смерть, вошедшая чрезъ грѣхъ остается наказаніемъ только для такихъ грѣшниковъ, для которыхъ не существуетъ искупленіе, а для искупаемыхъ и благодѣтельствуемыхъ смерть приноситъ освобожденіе отъ всякаго зла и способствуетъ переходу въ вѣчную жизнь. Если поэтому, (чего никто не отвергаетъ и не можетъ отвергать съ основательностію), жертва имѣетъ цѣлю примиреніе человѣка съ Богомъ и полученіе помилованія съ его благодѣтельными послѣдствіями; то и смерть, про-

*

исходящую при жертвѣ, можно понимать только какъ средство перехода отъ состоянія отдѣленія и отчужденія отъ Бога въ состояние благодати и жизненнаго общенія съ Нимъ, или какъ необходимый проходъ для вступленія въ божественную жизнь изъ небожественной жизни сего міра. Если пройти этотъ переходъ человѣку необходимо, то здѣсь открывается святость праведнаго Бога, Который опредѣлялъ смерть, какъ уплату грѣху, но если смерть освобождаетъ человѣка отъ грѣха и вводитъ въ жизнь вѣчную, то ее съ другой стороны невозможно будетъ называть наказаніемъ. — Значеніе закланія животнаго получаетъ свою ближайшую опредѣленность только чрезъ дальнѣйшее употребленіе жертвы закланія, т. е. чрезъ то, какъ поступали съ ея кровію и мясомъ.

Значеніе *кропленія кровію* объясняетъ самый законъ, мотивируя запрещеніе ѣсть кровь слѣдующими словами (Лев. 17, 11): *такъ какъ душа (nephesch) тѣла въ крови, то Я (Господи) далъ ее вамъ для жертвенника, чтобы очищать души ваши (tsakrper)*. потому что кровь, она очищаетъ посредствомъ души⁵⁾. Вслѣдствіе этого израильтянинъ не долженъ былъ ѣсть крови животныхъ, такъ какъ Богъ назначилъ ее съ душою, волнующеюся въ ней, для очищенія человѣческихъ душъ. Это очищающее значеніе крови, какъ душа животнаго, (Втор. 12, 23), получаетъ не чрезъ то, что во время закланія въ крови и съ кровію животнаго уносится душа или жизнь его, но чрезъ то, что кровь, истекая изъ жертвеннаго животнаго, кропится и выливается на жертвенникъ, какъ это ясно видно изъ словъ: *Я далъ вамъ кровь на жертвенникъ, чтобы очищать души ваши*. Жертвенникъ есть мѣсто, гдѣ Богъ является въ благодати своему народу, чтобы примирить его съ Богомъ и принять въ общеніи своей благодати чрезъ посредство жертвы. Это принятіе въ божественное благодатное общеніе символизировалось, въ жертвѣ тѣмъ, что, въ силу мѣстозамѣщающаго значенія жертвеннаго животнаго душа приносителя, давая въ крови, вскропленной на жертвенникъ, припо-

сится на мѣсто присутствія Іеговы, т. е. переносится въ область господствія божественной благодати, которая покрываетъ (*kipper*) грѣхи или очищаетъ ихъ, то есть прощаетъ ⁶⁾. Съ этимъ согласны и изрѣченія закона о примиреніи жертвою. Весьма часто употреблявшійся *terminus technicus* для примиренія: *kipper 'alay*, *покрылъ на немъ т. е. на человѣкъ*, если сравнить его съ другими замѣщающими его выраженіями, есть только сокращеніе болѣе полного означенія дѣйствія кроваваго крошенія: *покрывать грѣхъ* (или вину) *на человѣкъ* ⁷⁾. Субъектъ, отъ котораго исходитъ *покрытіе* *karper*, есть Богъ и священникъ, замѣняющій мѣсто Бога въ жертвенномъ обрядѣ; объектъ *покрытія* есть человекъ, или собственно грѣхъ человека ⁸⁾. Но такъ какъ ни кровь сама по себѣ, ни кровь пролитая, ни душа грѣшного человека сама по себѣ, ни душа, отданная на смерть не имѣютъ такого достоинства, на которомъ могло бы основаться какое-либо право оправданія предъ Богомъ; то *покрытіе* грѣха остается чисто актомъ божественнаго милосердія и состраданія; прощеніе грѣха происходитъ по одной милости, какъ это видно уже изъ того, что не только въ Лев. 4, 21. 26. 31. 35. прощеніе, помилованіе называются слѣдствіемъ и дѣйствіемъ *karper*, но и изъ того, что въ другихъ мѣстахъ напр. Іер. 18, 23, выраженіе: *karper 'al avon* *очиститъ вину* прямо перемѣняется съ выраженіемъ: *tasba' avon milliphnej Iehovah*, *удалять вину отъ лица Іеговы*.

За крошеніемъ кровію слѣдовало *сожженіе на жертвенникѣ* всего жертвеннаго мяса или внутреннихъ тучныхъ частей, подобно тому, какъ за прощеніемъ грѣха должно слѣдовать уничтоженіе его пагубнаго вліанія на жизнь или искорененіе зародыша смерти, посаженнаго имъ въ природѣ человека, чтобы жизнь могла опять возстановиться въ совершенной невинности. Это дѣйствіе божественной святости и благодати, которымъ завершалась примиряющая сила жертвы, изображалось въ жертвенной обрядности воспламененіемъ и сожженіемъ жертвы на жертвен-

ниѣ.—Огонь, по присущей ему силѣ уничтожать все тлѣнное, неблагородное и поврежденное, въ св. Писаніи служитъ символомъ частію очищенія, частію мученія и упичтоженія. Что имѣетъ въ себѣ нетлѣнное зерно, то посредствомъ огня очищается, потому что бренное вещество привошедшее въ него и проникнувшее его, сожжется, истребится и тѣмъ самымъ нетлѣнная благородная субстанція очистится отъ всякаго шлака, между тѣмъ какъ тамъ, гдѣ нетлѣнное всецѣло поглощено тлѣннымъ, чрезъ огонь происходитъ не очищеніе, а совершенное уничтоженіе (ср. 1 Кор. 3, 11 г. "). Поэтому огонь въ Писаніи представляется образомъ святаго Духа, и Богъ называется поядающимъ огнемъ (Втор. 4, 24. Евр. 12, 29); Онъ является въ огнѣ (Исх. 3, 2. 19, 8) и въ огненномъ облакѣ (Числ. 9, 15 г. Пс. 105, 39), а блистающій огонь (Пс. 18, 9. 13. 29, 7) показываетъ святость Его существа. Такимъ образомъ жертвенный огонь, который сошелъ отъ Іеговы при первой жертвѣ Аарона (Лев. 9, 24 ср. 2 Пар. 7, 1) и долженъ былъ постоянно горѣть на жертвенникѣ (Лев. 6, 12), олицетворяетъ силу и энергію божественной святости, которая дѣйствуетъ на жертвенникѣ и пожираетъ въ жертвѣ все грѣховное и бренное, чтобы такимъ образомъ освятить и возвысить то, что остается послѣ горѣнія, т. е. приносителя жертвы. Далѣе, если въ жертвѣ кровь представляетъ душу; то мясо можетъ изображать только тѣло, какъ органъ души. Поэтому сожженіе жертвеннаго мяса на жертвенникѣ установлено не для того только, чтобы «даръ приносителя, какъ его собственность, былъ уничтоженъ совершенно» не для того также, чтобы въ этомъ «огненномъ уничтоженіи, изобразить восхожденіе дара къ Тому, Который обитаетъ на высотѣ», чтобы такимъ образомъ сожженіе указывало, какую цѣль имѣетъ даръ, куда онъ передается ¹⁰). Сожженіе мяса на жертвенникѣ символизируетъ пожертвованіе Іеговѣ тѣла съ его членами, силами и стремленіями, чтобы очистить его отъ шлака грѣховнаго и бренныхъ элементовъ атого міра огнемъ

святаго и освящающаго божественнаго Духа и освятить его въ органъ, пріятный Богу. «Чрезъ горѣніе жертвенный даръ расходится въ испареніи и запахѣ; его земныя составныя части возвращаются въ землю, а его внутренняя эссенція восходитъ на небо въ тончайшей и измѣненной тѣлесности, доставляя *леговѣ пріятный запахъ*» ¹⁾).

Таково значеніе жертвенной обрядности вообще, поколику она обща всѣмъ кровавымъ жертвамъ. Уже здѣсь установленіе жертвъ является учрежденіемъ благодати, подающимъ тѣмъ, которые пользуются съ вѣрою предложенными въ немъ, благодатными средствами, сокровищами милости и спасенія: посредствомъ кропле-нія кровію дается душѣ, ставшей подъ могущественное дѣйствіе божественной благодати, прощеніе грѣховъ, а чрезъ сожженіе жертвеннаго мяса на жертвенникѣ тѣло съ своими членами очищается отъ прираженій и зараженій грѣховныхъ и преобразуется въ новое тѣло, такъ что такимъ образомъ весь человѣкъ въ душѣ и тѣлѣ обновляется и освящается, послѣ чего можетъ жить новою жизнію. — На такое жѣ дѣйствіе намекаетъ обращеніе и съ растительнымъ жертвеннымъ матеріаломъ, подробности котораго будутъ объяснены въ хлѣбныхъ жертвахъ.

¹⁾ Такъ Баръ II, стр. 341, противъ него Куртцъ (die Mos Opfer стр. 65 q) совершенно справедливо замѣчаетъ, что это толкованіе выведено не изъ самаго дѣйствія, а произвольно взято изъ стороннихъ предположеній, также неосновательныхъ и не имѣеть никакой аналогіи съ римскимъ обычаемъ *manumissio* раба.

²⁾ Если Куртцъ а. а. О. стр. 69 q. приписываетъ возложенію рукъ во всѣхъ жертвахъ безъ изыятія значеніе передачи грѣховъ, то это мнѣніе связывается съ тѣмъ ложнымъ предположеніемъ, что *спеціально возбужденное сознаніе грѣховъ и пламенное желаніе совершенно освободиться отъ грѣха и вины* составляетъ исходный пунктъ и цѣль *всѣхъ* кровавыхъ жертвъ. При такомъ взглядѣ различіе между жертвами грѣха, всесоженія и благодаренія совершенно

уничтожается. Ср. напротивъ того мой Abhdl. Über die Opfer d. A. B. in. d. luther. ztschr. 1836 II. 4. S. 612 qq.

3) На сколько этотъ фактъ стоитъ въ противорѣчїи съ юридическою теорїею жертвы, какъ непосредственнаго смертнаго наказанія, можно видѣть изъ того, что повѣйшїй защитникъ этой теорїи, Куртцъ (а. а. О стр. 75 qq) пытается совершенно устранить вистанцію умерщвленія, не имѣя возможности справиться съ нею. Если подѣ конецъ Куртцъ опредѣляетъ еще, что въ институтѣ жертвъ Богъ является какъ сострадающїй, то выставленіе божественнаго состраданія никакимъ образомъ не идетъ къ тому предположенію, что смерть жертвы изображала наказаніе за грѣхъ смертію, потому что состраданіе Божіе не наказываетъ за грѣхи, а скорѣе прощаетъ ихъ за вѣру.

4) Доказательство изъ св. Писанія на то, что смерть жертвы была смертію непосредственнаго наказанія, основывается только на двухъ не совсѣмъ понятныхъ мѣстахъ св. Писанія, на посл. къ Римл. 6, 23: *смерть есть плата за грѣхи* и на посл. къ Евр. 9, 22: *безъ пролитія крови не бываетъ прощенія*, откуда Куртцъ (стр. 30 qq). дѣлаетъ такіе выводы: «душа была исходнымъ пунктомъ грѣха, а кровь побужденіемъ къ нему, потому на душу и кровь теперь и обращается наказаніе.—Душа, поколику она есть жизнь, согрѣшила и наказывается поколику она есть жизнь, именно смертію: *смерть есть плата за грѣхъ*.....И такъ кровь за кровь, душа за душу; для избѣжанія смерти грѣшнику, жертва должна подвергаться смерти; невинная кровь проливается, для покрытія и примиренія виновной крови. *Смерть есть плата за грѣхъ*; Жертвенное животное подвергается смерти, не для того, чтобы принести плату за собственный грѣхъ, такъ какъ оно безгрѣшно и невинно, но для того, чтобы уплатить чужой грѣхъ, слѣдовательно подвергается смерти вмѣсто приносящаго жертву.—Изятая, слѣдовательно уже прошедшая чрезъ тиски смерти, кровь животнаго становится умноженіемъ за грѣшника; какъ жертвѣ приписанъ грѣхъ, такъ грѣшнику—удовольщеніе, доставленное этою смертію». Ср. съ этимъ же замѣчаніе (стр. 33) на посл. къ Евр. 9, 22: *потому что изліаніе крови есть ничто*

иное какъ смерть. Но первый изъ указанныхъ текстовъ ни коимъ образомъ не идетъ къ жертвѣ, какъ доказательство на то, что закланіе животнаго должно быть или должно изображать непосредственное наказаніе смертію. Ибо *плата* за грѣхъ ($\tau\acute{\alpha} \delta\psi\acute{o}\nu\alpha = \eta \acute{\alpha}\nu\tau\iota\mu\epsilon\tau\acute{o}\iota\alpha$) есть *приобретенное и заслуженное возмездіе, которое даетъ грѣхъ*. Но если эту плату хотѣть называть наказаніемъ, потому только, что возмездіе заключается здѣсь не въ добрѣ, а въ злѣ, то это изреченіе не можетъ быть примѣняемо къ жертвенному закланію, пока не будетъ доказано, что жертвенный актъ пужно понимать какъ актъ непосредственной расправы. Но такого положенія нельзя выводить и изъ посл. къ Евр. 9, 22, равно и изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ смертное страданіе Иисуса Христа означаетъ какъ понесеніе наказанія, принятаго Имъ на Себя. Выраженіе $\alpha\iota\mu\alpha\tau\epsilon\chi\upsilon\sigma\tau\alpha$ въ посланіи къ евреямъ потому уже не можетъ быть отнесено къ закланію жертвы, что во всея законѣ о жертвахъ вовсе не упоминается пролитіе крови при закланіи жертвеннаго животнаго; нигдѣ закланіе не опредѣлено какъ кровопролитіе. Кровопролитіе въ настоящемъ случаѣ есть только кропаніе кровію или возліаніе крови на жертвенникъ, являющееся необходимымъ при жертвѣ для отпущенія грѣха. Также нужно понимать и кровопролитіе Иисуса Христа. *Доблѣйшій* моментъ Его смерти заключается не въ кончинѣ или кровопролитіи, какъ такомъ, но въ томъ, что Онъ предалъ Себя или свою жизнь какъ жертву вины за грѣхи міра.

⁵⁾ Ср. Бэра II, стр. 207. Генгстенбергъ. (Ev. Kirchengz. 1852 Nr. 12. стр. 106) неправильно переводитъ: *non banephesch jekarer* чрезъ: *кровь примиряетъ душу*. Глаголъ *kirreg* никогда не сочетается съ част. *be* objecti, но только съ *be* въ значеніи орудія, когда говорится о жертвенномъ животномъ. Числ. 3, 8, 2 Цар. 21, 3. И переводъ Гофмана: *кровь примиряетъ какъ душа въ этомъ свойствѣ* (Schriftbem. II, I. стр. 131) нельзя оправдать, потому что *wesen*, съ которымъ соединено *be* essentialis, не имѣетъ члена. Ср. Делла bibl. Psychologie стр. 196.

⁶⁾ Въ приношеніи крови (души) на жертвенникъ Бэръ (стр. 210) находитъ символъ приношенія или приближенія души (несень).

приносящаго жертву къ Богу Святому. «Какъ то приношеніе крови (животнаго) на смерть, такъ и душевная, эгоистическая состоящая въ противленіи Богу жизнь того, кто приносить жертву, должна жертвоваться, то есть умирать; поелику же это пожертвованіе есть пожертвованіе Святому Іеговѣ, то оно не есть просто прекращеніе, не есть что либо только отрицательное, но есть смерть, которая eo ipso становится жизнью, потому что освященіе есть тоже, что истинная жизнь». Но такое толкованіе не обращаетъ вниманія на то, что душа въ жертвенной крови изображаетъ не просто *эгоистичную жизнь*, и уже потому неосновательно, что бросленію кровію предшествовало закланіе, слѣдовательно на жертвенникъ приносилась не кровь, живущая въ животномъ, а кровь, уже истекшая изъ животнаго, при умерщвленіи его. — Еще неосновательнѣе толкованіе Куртца (стр. 83 q), по которому кропленіе кровію представляло объективное принятіе со стороны Іеговы долга, оплаченнаго пролитіемъ крови или смертію, какъ платою за грѣхи и субъективное усвоеніе со стороны человѣка этой уплаты долговъ, такъ что кровь, вынесшая на себѣ смерть, съ одной стороны представляется Іеговѣ, Ему приносится, чтобы Онъ увидѣлъ происшедшее, оцѣнилъ его и запечатлѣлъ своею благодатію, съ другой стороны она ставится въ отношенія къ приносящему жертву и ему усваивается, омывая жертвенникъ. Въ основѣ сего толкованія лежатъ не только совершенно неосновательныя предположенія, но и сбивчивыя представленія о наказаніи и примиреніи. Неосновательны тѣ предположенія, что каждому жертвенному животному усвоился грѣхъ и вина чрезъ возложеніе рукъ (ср. противн. замѣч. 2) и что жертвенникъ былъ символомъ народа или отдѣльнаго приносителя жертвы въ народъ (ср. противн. зам. 2 § 1). Но если бы это послѣднее предположеніе было и правильно, то и тогда нѣтъ достаточнаго основанія держаться его въ настоящемъ случаѣ, ибо почему, если примиряющая кровь должна была усвоиться приносящему жертву, окропаясь не примиряемый человѣкъ, а жертвенникъ? Можетъ быть этому препятствовалъ тотъ мотивъ, что кровь, какъ средство спасенія, какъ вѣщо святое не должна была проливаться внѣ святилища, дабы не быть

оскверненною? Но этотъ мотивъ устраняется здѣсь случившимся окропленіемъ всего народа жертвенною кровію, Исх. 24, 8, какъ совершенно недостаточный. Равнымъ образомъ, если мы рѣшимся дать значеніе первому предположенію Куртца на томъ основаніи, что при жертвѣ грѣха и вины дѣйствительно грѣхъ и вина приносящаго жертву передавались на жертвенный матеріалъ; то, во всякомъ случаѣ, выходящее отсюда слѣдствіе, что грѣхъ и вина уплачиваются, очищаются чрезъ перенесеніе смерти, какъ *restitutio in integrum* *чрезъ пролитіе крови, въ которой находится жизнь*, опирается на представленіи наказанія, не основывающемся ни на божескомъ ни на человѣческомъ правѣ. Смерть, понятая какъ плата или наказаніе за грѣхъ, не есть уничтоженіе грѣха, за которымъ слѣдуетъ *restitutio in integrum*; грѣхъ остается и послѣ этого наказанія не истребленнымъ, вредъ, который онъ принесъ человѣку, разстройство, которое онъ произвелъ въ тѣлѣ и душѣ, остается не уничтоженнымъ и грѣшникъ долженъ подвергнуться вѣчной смерти, если божественное благоутробіе не прощаетъ грѣха и не даруетъ новой жизни изъ милости. Тѣмъ, что правительство наказываетъ вора или убійцу смертію, украденное не возвращается владѣльцу или жизнь убитому. Поэтому смерть какъ наказаніе и не можетъ считаться заглаженіемъ и очищеніемъ грѣха, такъ какъ наказаніе не уничтожаетъ грѣха и не прощаетъ его. Она оказываетъ удовлетвореніе не грѣху, а только божественному правосудію и объективному праву. Правосудіе же Божіе въ жертвѣ примиренія открывается въ томъ, что примиреніе предполагаетъ смерть, что вообще невозможно безъ смерти, то есть, безъ духовной смерти грѣха невозможно никакое принятіе въ общеніе съ божественною милостію, а безъ тѣлесной смерти входъ въ вѣчное блаженство. Вотъ гдѣ лежитъ основаніе тому, что примирительныя жертвы должны были быть жертвами смерти, и что въ жертвенномъ обрядѣ животное должно подвергнуться смерти, прежде нежели ея кровію можно было вскренить жертвенникъ. — Но Гофману (Schriftbem. II, I стр. 152) кровавое брошеніе имѣетъ то значеніе, «что умерщвленіе живаго существа, произшедшее для примиренія приносящаго жертву своею кровію, которая составляла его жизнь,

усвоить священному мѣсту: оно кропится, а не тотъ, кто приносить жертву, потому что послѣдній — должникъ, а Богъ — тотъ, которому долгъ приносится. Грѣхъ того, кто приноситъ жертву, сообщается священному мѣсту, покольку оно есть мѣсто его отношенія къ Богу. Поэтому ему (мѣсту) сообщается и то, что человекъ сдѣлалъ и для возстановленія своего общенія съ Богомъ, чтобы снять съ него нечистоту, которою грѣхъ человека занялъ его». Но не говоря уже о томъ, что жертва не была простымъ штрафомъ, который Богъ возложилъ на израильтянъ, чтобы только прощать имъ грѣхи, такое пониманіе кропленія кровію не имѣетъ никакой опоры и въ обрядѣ великаго дня очищенія, потому что при очистительной жертвѣ этого дня было двойное кропленіе кровію, для примиренія народа и очищенія священныхъ сосудовъ, — на что Гофманъ вовсе не обратилъ вниманія.

7) Ср. kapper 'alav Лев. 1, 4, 4, 20. 31. 36 и др. и kapper 'al naphscho Исх. 30, 15. Лев. 17, 11 съ kapper 'alav mechattatho Лев. 4, 26, 5, 6. 10 или kipper 'alav 'alchattatho Лев. 4, 35. 5, 13. 18 и kapper 'al chattathenu. Ис. 79, 9 или jekaper 'avon Ис. 78, 38. 65, 4 и друг. и вообще Розенмиллера, schol. in V. T. II, p. 200. excurs. II in Levit. de variis verbi kapar significationibus.

8) Ср. Бэра II, стр. 203, который справедливо замѣчаетъ: «выраженіе: *кровь примиряетъ* послѣ предшествовавшаго изрѣченія: *Я далъ вамъ ее для примиренія*, какъ само собою разумѣется даетъ аналогію съ оборотомъ рѣчи: *сломать разбиваетъ скалу*», и значить только, что кровь находится въ рукѣ Іеговы, въ Его волѣ, какъ средство къ примиренію; какъ такую Онъ далъ ее именно на жертвенникъ» т. е., не какъ такую Онъ далъ ее, но она только становится такою т. е. примиряющею чрезъ кропленіе ея на жертвенникъ.

9) Ср. Курца а. а. О. 89 стр. q.

10) Тогда какъ Гофманъ (а. а. О. стр. 162 ср. съ 154 стр.) не признаетъ за сожженіемъ никакой болѣе высокой цѣли, чѣмъ уничтоженіе принесенной собственности, — Бэръ напротивъ (II, стр. 347) счи-

тасть эту цѣль подчиненною, отрицательною, (потому что уничтоженіе или истребленіе могло бы совершаться и другимъ способомъ), а собственную положительную цѣль указываетъ въ восхожденіи ея съ огнемъ къ Тому, который обитаетъ на высотѣ,—ссылаясь при этомъ на то, что всесоженіе, которое отличается отъ всѣхъ другихъ родовъ жертвъ полныхъ сожженіемъ, называется 'olah ascensio. Но въ томъ выраженіи что жертвенный даръ восходитъ какъ царь пріятный для Іеговы вовсе не будетъ никакого символическаго элемента, если эта формула ничего боаѣе не показываетъ, кромѣ того, что «жертва, чтобы она взошла, должна быть пріятна и угодна Богу». (стр. 348)

¹⁴⁾ Ср. Куртца а. а. О. стр. 91.

§ 44. Раздѣленіе Моисеевыхъ жертвъ.

Различныя жертвы, предписанныя въ законѣ моисеевомъ, могутъ быть раздѣлены различно по различнымъ точкамъ зрѣнія. Обращая вниманіе на жертвенный матеріалъ, раздѣляютъ ихъ на *красавыя и безкровныя*, или — на жертвы закланія (zebach) и на жертвы хлѣбныя и жертвы возліанія (minchah или minchah vessek), такъ какъ хлѣбныя жертвы не были одними прибавленіями къ жертвамъ всесоженія и благодаренія, но составляли самостоятельный классъ жертвъ, которые могли приноситься отдѣльно сами по себѣ ¹⁾. Если смотрѣть на побужденіе, то въ этомъ отношеніи можно различать жертвы, *предписанныя закономъ*, изъ коихъ одни были *публичныя* (напримѣръ, ежедневныя жертвы утренняя и вечерняя, жертвы субботныя, новомѣсячныя и праздничныя), другія—*частныя*, которые должны были приноситься частными лицами по особеннымъ случаямъ, и жертвы приносимыя по *свободной воли* или всемъ обществомъ, или отъ его имени при общественныхъ праздничныхъ торжествахъ, или отдѣльными лицами въ какое угодно время.—Но для правильнаго пониманія значенія жертвъ важнѣе раздѣленіе ихъ по ихъ цѣли на а) такія, которые должны были исходатайствовать принятіе человека

подъ защиту благости, и б) такіа, которыя приносились уже находящимся въ этомъ состояніи. Къ первому классу принадлежать *умилостивительныя жертвы*, которыя раздѣляются на *жертвы грѣха и жертвы вины*, ко второму — *всесожженія и жертвы спасенія* (или *благодаренія*), которыя опять раздѣляются на α) *жертвы хвалебныя*. β) *облѣбныя* и γ) *вольныя*, и *жертвы хлѣба и возлѣбнія*. Если много жертвъ приносилось въ одно и тоже время, то всесожженіямъ предшествовали умилостивительныя жертвы, жертва грѣха и вины или наоборотъ жертва вины и грѣха, за тѣмъ слѣдовали жертвы спасенія, между тѣмъ какъ жертвы хлѣба и жидкостей соединялись какъ съ жертвами всесожженія, такъ и съ жертвами спасенія ²⁾).

¹⁾ Самостоятельный характеръ хлѣбныхъ жертвъ отрицали Бэръ (II, стр. 199) и Куртцъ (d. mos. Opfer стр. 93). Но совершенно несправедливо. Изъ Числ. 15, 1—18, гдѣ опредѣлено количество матеріала жертвъ хлѣба и вина по различію родовъ животныхъ, приносимыхъ во всесожженія и жертву закалаемую, вовсе не слѣдуетъ того, чтобы они были только прибавленіями къ кровавымъ жертвеннымъ дарамъ или приносились исключительно въ соединеніи со всесожженіями и жертвами закланія. Во многихъ случаяхъ хлѣбныя жертвы приносились отдѣльно сами по себѣ: такъ въ хлѣбной жертвѣ, которую должны были приносить священники во время семидневнаго своего посвященія Лев. 6, 13 qq, въ жертвѣ грѣха совершеннаго бѣдника (Лев. 5, 11 qq) и въ жертвѣ ревнованія (Числ. 5, 15. 25 q.—Ср. мой Abhdl. über die Opfer des A. B. in d. luther. ztschr. 1856 стр. 61! qq. Напротивъ того остается вопросомъ: могли ли вольныя хлѣбныя жертвы, предписанныя Лев 2 самостоятельно быть приносимы какъ полагаетъ Винеръ (R. w. II, стр. 494), или нѣтъ, потому что для рѣшенія этого вопроса не на чѣмъ опереться.

²⁾ Еще болѣе подробныя раздѣленія жертвъ по различнымъ признакамъ можно найти у Реланда, Antiqq. ss. P. III. c. 1. §. 2 sqq. Между раздѣленіями Реланда не безъ значенія для яснаго различія

разныхъ жертвъ раздѣленіе на *болѣе святыя* (kodschej kodaschim) и на *менѣе святыя* (kodaschim gallim), такъ какъ и законъ Лев. 21, 22 дѣлаетъ различія между «святѣйшими жертвами» и просто «святыми». Къ святѣйшимъ принадлежали: всесоженіе, жертва грѣха и вины и хлѣбная жертва, составныя части которыхъ или сожигались всѣ (на жертвенникѣ или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ) или събѣданы только служащими священниками; къ святымъ—всѣ жертвы спасенія, жертвы начатковъ и нѣкоторыя хлѣбныя жертвы, изъ которыхъ части не сожжены на жертвенникѣ употреблялись частію священникомъ, а частію приносителями во время жертвенныхъ пиршествъ (ср. Реланда 1. с. § 7). Дальшійшія раввинскія опредѣленія о высшей и низшей степеняхъ святости жертвъ не имѣютъ никакой практической цѣны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Различные общіе роды жертвъ.

§ 45. Жертвы примиренія. Матеріалъ и обрядность ихъ.

Жертвами примиренія были: жертва грѣха или жертва вины.

1. *Жертва грѣха* (chattath) была различнаго рода. Выборъ жертвеннаго животнаго сообразовался частію съ теобратическимъ положеніемъ лица, за которое оно приносилось, а также съ степенью грѣховности, которая должна была быть очищена.—Предписывался 1. *телецъ* (par ben—bagar) а) при посвященіи священниковъ и левитовъ (Исх. 29, 10. 14. 36 Числ. 8, 8); б), за первосвященника въ великій день очищенія (Лев. 16, 3); в), когда первосвященникъ согрѣшилъ къ соблазну народу (leaschmath ha'am—Лев. 4, 3), или когда согрѣшило все общество (kol—'adath israel Лев. 4, 13); 2. *козель* (se'ir 'izzim)—для жертвы грѣха а) въ повомѣсячія и годовые праздники для народа (Числ. 28, 15. 22. 30. 29, 5. 11. (ср. Лев. 16, 5) 16. 19. 22. 25 28. 31. 34. 38); б) при освященіи скинии и храма (Числ. 7, 16. 22. Ездр. 6, 17 ср. 8, 35); в) при согрѣшеніи князя (nasij—Лев.

4, 23 : 3. *коза* (*se'irath 'izzim*—Лев. 4, 28) или *агница* а) за прегрѣшеніе всего Израиля (Лев. 4, 28. 32. 5, 6), б) *однолѣтняя овца* α) при разрѣшеніи обѣта назореевъ (Числ. 6, 19), ββ) при очищеніи прокаженнаго (Лев. 14, 10. 19); 4. *гоголиця или молодой голубь* а) при очищеніи α) родильницы (Лев. 12, 6), β) мужа, страдавшаго истеченіемъ сѣмени (Лев. 15, 14), γ) жены, страдавшей продолжительнымъ кровотеченіемъ (Лев. 15, 29), δ) назорея осквернивагося трупомъ (Числ. 6, 10); б) какъ замѣна агнца для бѣднаго, который не могъ приобрести его α) при обыкновенныхъ грѣхахъ (Лев. 5, 7), β) для очищаемаго отъ проказы (Лев. 14, 22), наконецъ 5. *десятая часть лѣбы* ивещичной муки безъ едея и ладона при обыкновенномъ грѣхѣ въ замѣнъ голубя, для совершенно бѣднаго, который не могъ приобрести даже голубя ¹⁾.

Что касается самаго *приношенія*, то, послѣ того какъ животное было приведено и умерщвлено и по возложеніи на него руки, при жертвѣ тельца за первосвященника или все общество семь разъ крепить кровью во свитомъ предѣ Іеговою противъ завѣсы (внутренней), за тѣмъ мазали рога алтаря кадилаго, наконецъ оставшуюся кровь выливали у подножія жертвенника всесоженій (Лев. 4, 5 qq. 16 qq). ²⁾ При жертвахъ грѣха, состоявшихъ въ козлѣ, козѣ или агнцѣ, кровью окроплялись только рога жертвенника всесоженій, а остальная выливалась у основанія его (Лев. 4, 25. 30. 34) ³⁾. Послѣ окропленія кровію во всѣхъ жертвахъ грѣха (исключая голубей) тучныя части (*haschalabim*) именно туку, покрывающей внутренности и находящейся въ нихъ, обѣ почки съ тукомъ на нихъ и на внутреннихъ частяхъ чреселъ, сальникъ на печени и у одной породы овецъ весь курдюкъ ⁴⁾, отдѣлялись отъ мяса, зажигались на жертвенникѣ и сгорали (Лев. 4, 8—10. 19. 26. 31. 35). Мясо, въ тѣхъ случаяхъ, когда кровь вносилась во святое и святое святыхъ ⁵⁾, сожигалось вмѣстѣ съ кожею, головою, ногами внутрен-